

К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений с учетом примечания к статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации

Ю.А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу примечания к статье 238 Уголовного кодекса РФ, введенного Федеральным законом от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ. Исследуется вопрос о толковании его содержания с учетом систематического и логического приемов, а также о влиянии его включения в Уголовный кодекс на формирование правоприменительной практики по уголовным делам о неблагоприятных исходах в медицине. Целью исследования является комплексный анализ причин введения законодателем данного примечания в УК РФ, а равно его текстуальной формулировки для последующего уяснения вопроса о его значении в аспекте правоприменения. В заключение сделан вывод о возможности двоякого понимания правоприменителем текста анализируемого примечания, в связи с чем целесообразным является дальнейшее исследование тенденций формирования судебной практики по делам о ятрогенных преступлениях.

Ключевые слова: *ятрогенные преступления, примечание к статье 238 УК РФ, медицинская помощь, медицинская услуга, квалификация.*

В специальной юридической литературе в публикациях, посвященных к квалификации ятрогенных преступлений, пожалуй, одним из наиболее дискуссионных в последние годы выступал вопрос о критериях разграничения ситуаций с неблагоприятными исходами в медицине, при квалификации которых подлежат применению статьи Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) о неосторожных преступлениях против жизни и здоровья (конкретно, ч. 2 ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» и ч. 2 ст. 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»), с одной стороны, и ст. 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», с другой [1]. Было «сломано немало копий» при обсуждении этих критериев. Высказывались совершенно разные мнения. Одна из позиций состояла в том, что искомым критерием является форма вины. В обоснование отмечалось, что основной состав преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, предполагает умысел, а ст. 109 и 118 УК РФ, соответственно,

неосторожную форму вины. Отметим, что эта точка зрения представлялась не вполне релевантной, поскольку для квалификации ятрогений по определению использовались ч. 2, 3 ст. 238 УК РФ, в которых отношение к последствиям законодателем определяется как неосторожное (равно как и в ст. 109 и 118 УК РФ), что не позволяет далее рассуждать о форме вины как искомом критерии разграничения рассматриваемых составов. Наиболее точным, по нашему мнению, критерием, предлагаемым специалистами, выступал учет такого фактора как потенциальная опасность услуги для любого и каждого пациента (использование неисправного медицинского оборудования, некачественных препаратов и прочее), что позволяло говорить о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, либо ненадлежащее оказание услуги конкретному пациенту, что, в свою очередь, предопределяло квалификацию ятрогений по ст. 109 или 118 УК РФ в зависимости от тяжести наступившего последствия.

Проиллюстрируем данный подход примерами из судебной практики.

В первом случае определением Первого кассационного суда общей юрисдикции был оставлен в силе приговор суда первой инстанции. Кассационная инстанция констатировала, что «оказание стоматологических услуг лицом без соответствующего образования создает опасность для неопределенного круга лиц вне зависимости от особенностей случая/потерпевшего» [9]. Приговор по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК был оставлен без изменения.

Во втором случае приговором Серпуховского городского суда врач-стоматолог был осужден по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Согласно приговору: «Константинов С.А. назначил Е.А. операцию по удалению 37, 38 зубов, с проведением одномоментной имплантации в области 36, 37 зубов, и, зная о том, что при проведении лечения Е.А. у последнего выявлен хронический пародонтит и, несмотря на необходимость проведения Е.А. лечения указанного заболевания зубов, ... без обследования смежных специалистов (терапевта, кардиолога) провел Е.А. операцию ..., осознавая, что ... у Е.А. могут возникнуть осложнения, ..., действуя по небрежности, вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей, не предвидя возможности наступления общественно-опасных последствий своих действий – смерти Е.А., в результате острой сердечно-сосудистой недостаточности на фоне эндогенной интоксикации вследствие гнилостно-некротической флегмоны дна полости рта и шеи, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен и мог предвидеть эти последствия» [10].

При всей логичности названного критерия нельзя утверждать, что следственно-судебная практика формировалась в последние годы именно на его основе. Единообразия так и не возникло, при этом, определенный ее крен в сторону большей частоты применения ст. 238 УК РФ (даже в ситуациях, когда речь не шла об опасности для

неопределенного круга пациентов) стал проявляться достаточно очевидным образом. При всем нежелании выдвигать конспирологические версии нельзя не отметить, что в качестве причины специалистами назывались ведомственные интересы Следственного комитета, к подследственности которого относятся уголовные дела о ятрогенных преступлениях. Не секрет, что максимально распространенным исходом уголовного судопроизводства по данной категории дел в случаях, когда они возбуждались по ст. 109 или 118 УК РФ, было освобождение медицинских работников от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности совершения преступления, поскольку оба состава относятся к преступлениям небольшой тяжести со сроком давности, соответственно, два года. А с учетом объективной затянутости сроков расследования в связи с необходимостью производства судебно-медицинской экспертизы качества оказания медицинской помощи истечение указанного срока до рассмотрения дела судом было максимально прогнозируемым исходом. Именно по этой причине интересантом в расширении практики применения для квалификации ятрогений ст. 238 (преступление средней тяжести со сроком давности шесть лет) небезосновательно считался Следственный комитет РФ.

Вся эта предистория важна в связи с тем, что 18.12.2024 г. средства массовой информации (далее – СМИ), в частности, профильные Телеграм-каналы, комментирующие уголовное законодательство и практику его применения буквально «взорвала» новость о том, что Государственная Дума в третьем чтении приняла закон о введении в ст. 238 УК РФ примечания следующего содержания: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи оказания медицинскими работниками медицинской помощи» [2]. Интересно, что в первоначальном тексте законопроекта данное предложение не фигурировало, и он вообще предполагал только внесение изменений в ст. 150 и 151 УК РФ, которые обосновывались авторами необходимым «усилением уголовной ответственности лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)» [3].

Ко второму чтению в таблице поправок № 1, рекомендованных Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству к принятию, появляется предложение ввести вышеуказанное примечание к ст. 238 УК РФ, равно как и изменить в связи с этим название законопроекта. Авторами данной поправки стали депутаты Государственной Думы П.В. Крашенинников, Б.Н. Башанкаев, а также сенаторы Российской Федерации А.А. Клишас, Ж.Ю. Чефранова, И.В. Новиков, Н.С. Кувшинова. В доступных источниках не фигурирует информация о том, какое обоснование было положено в основу данного

предложения, но, так или иначе, закон был принят, включая текст примечания, что породило новую волну дискуссий о применимости ст. 238 УК РФ для уголовно-правовой оценки неблагоприятных исходов в медицине. Казалось бы, какие могут быть дискуссии, ведь буквальный текст примечания свидетельствует о том, что это становится невозможным. Но крылатое выражение «два юриста – три мнения» в этой ситуации проявило свое значение максимально иллюстративно. В частности, ряд комментариев сводился к тому, что введение примечания – по сути есть своего рода декриминализация ятрогений или освобождение врачей от уголовной ответственности. Подобные трактовки, очевидно, совершенно беспочвенны. Как написал автор профильного телеграм-канала доктор юридических наук, профессор Г.А. Есаков: «статьи 109, 118 и 124 никто не отменял, но об этом в общем вихре ликования все позабыли» [7].

Гораздо более конструктивным направлением является обсуждение вопроса о толковании введенного примечания и о его значении для правоприменения с учетом того, что в его тексте употреблен термин «медицинская помощь». Суть проблемы заключается в том, что как представители медицинского сообщества, так и юристы полагают правильным не отождествлять понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Приведем цитату по этому поводу: «Дискуссия о невозможности употребления понятия «услуга» относительно медицинской деятельности длится уже много лет. Врач стоит на страже жизни и здоровья, а не оказывает услуги – таково мнение медицинского сообщества» [4].

В связи с предметом исследования настоящей статьи указанная позиция актуализируется постановкой вопроса о том, насколько вообще было возможно применение ст. 238 УК РФ с формулировкой в ее названии и диспозиции «...оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», применительно к неблагоприятным исходам в медицине. Однако, как уже отмечалось, практика их квалификации по данной статье приобрела в последние годы массовый характер. При этом, речь идет о последствиях медицинских вмешательств не только по договорам об оказании платных услуг, но и о причинении вреда жизни или здоровью в случаях оказания бесплатной медицинской помощи. Так, Благовещенский городской суд Амурской области постановил «прекратить уголовное дело в отношении Низовской ... по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ, на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УК РФ, – в связи с истечением сроков давности уголовного преследования» [11]. Согласно материалам дела «потерпевший № 1, *** года рождения, проживающая на территории ***, имела право на получение медицинской помощи по оказанию услуг по профилю нефрология, включая необходимые диагностические мероприятия и медикаментозное лечение, в государственном

автономном учреждении здравоохранения Амурской области «Амурская областная детская клиническая больница» ... на основании полиса обязательного медицинского страхования граждан. ... 21.04.2017, в 15 часов 42 минут, лечащий врач-нефролог Е.В., после проведенного обследования и полученных результатов анализов, поставила малолетней Потерпевший № 1 неверный диагноз ... Таким образом, врач-нефролог ГАУЗ АО «АОДКБ» Е.В. оказала малолетней Потерпевший № 1 медицинскую услугу ненадлежащего качества в нарушение требований безопасности» [11]. Примеры с такой квалификацией отнюдь не единичны.

Отметим, что проблема разграничения ситуаций с неблагоприятными исходами в медицине с точки зрения правовой природы возникших правоотношений чрезвычайно актуальна и в контексте рассмотрения соответствующей категории гражданских дел. По одному из них Верховный Суд РФ, в частности, указал, что «судебные инстанции, взыскивая с Городской больницы имени академика Вагнера Е.А. в пользу Кибанова М.В. штраф, установленный пунктом 6 статьи 13 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-І “О защите прав потребителей”, положения приведенных норм материального права, определяющих основания применения к отношениям в области охраны здоровья граждан законодательства о защите прав потребителей, к спорным отношениям применили неправильно, вследствие чего не определили правовую природу отношений по поводу оказания Кибанову М.В. медицинской помощи и не установили, оказывалась ли Кибанову М.В. медицинская помощь бесплатно в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи либо эта помощь, включая медицинские услуги, предоставлялась Кибанову М.В. на возмездной основе на основании заключенного с медицинской организацией договора. Между тем от установления данных обстоятельств зависит возможность применения к спорным отношениям, учитывая положения части 8 статьи 84 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-І “О защите прав потребителей”» [8]. Специалисты справочно-правовой системы «Гарант» в обзоре данного документа указали, что «больница отказалась возместить гражданину моральный вред за оказание некачественной медпомощи по ОМС и заодно уплатить штраф в размере 50 % от этой суммы. Суды удовлетворили иск гражданина, но Верховный Суд РФ направил дело на пересмотр. По Закону о защите прав потребителей этот штраф можно взыскивать только при оказании гражданину платных медуслуг, а не медпомощи в рамках

ОМС, и только если больница отказалась возместить причиненный вред добровольно»¹.

Таким образом, как на доктринальном уровне, так и в правоприменительной практике вопрос об определении правовой природы отношений между медицинской организацией (медицинским работником) и пациентом в разрезе – оказание медицинской помощи vs оказание медицинских услуг актуален и, в целом, как следует из приведенного выше Определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, определенным образом разрешен.

Какое же значение имеет такое решение данного вопроса в целях толкования анализируемого примечания к ст. 238 УК РФ и его применения в следственно-судебной практике по уголовным делам о ятрогенных преступлениях? Как отметили авторы телеграм-канала «Аналитический центр уголовного права и криминологии»: «допускаем, что новое примечание будет коррелировать с данной позицией ВС РФ и исключать применение ст. 238 УК РФ в делах, где отношения возникают при оказании гражданам медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий» [4].

Таким образом, одна из позиций по вопросу о толковании анализируемого примечания сводится к тому, что ст. 238 УК РФ не будет применяться для квалификации ятрогений в сфере бесплатной медицины в связи с тем, что именно с ней соотносится категория «оказание медицинскими работниками медицинской помощи», но примечание не исключает квалификацию по данной статье неблагоприятных исходов при оказании платных медицинских услуг. В связи с этим критерием показательным кейсом является уголовное дело в отношении пластического хирурга Е.А. Лонской. Первая информация о нем появилась 24.12.2024 г., т. е. еще до вступления в силу федерального закона о введении анализируемого примечания: «Постановлением суда удовлетворено ходатайство следователя об избрании меры пресечения в отношении Лонской Екатерины Александровны <...> в виде домашнего ареста на срок 23 суток. По данным суда, Лонской предъявлено обвинение по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ (выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью). Следствие утверждает, что во время проведения косметической операции Лонская не провела должную диагностику и не организовала консультации с профильными специалистами, а также не обеспечила надлежащую специализированную помощь пациентке в послеоперационном периоде. Ранее в социальных сетях адвокат Александр Добровинский, представляющий интересы жены Президента Федерации еврейских

¹<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72263380/?ysclid=mbeayqr650963016479#review> (дата обращения: 20.05.2025).

общин России (ФЕОР) Инны Бороды, сообщил, что из-за неудачной операции потерпевшая частично потеряла зрение» [5]. Можно было бы ожидать, что после вступления в силу примечания к ст. 238 УК РФ следствие переквалифицирует деяние врача на ч. 2 ст. 118 УК РФ. Однако, если изучить дальнейшие публикации в СМИ, то становится очевидным, что никакой переквалификации не случилось: «Расследование дела пластического хирурга Екатерины Лонской, у которой практически лишилась зрения пациентка, завершено. Хирургу предъявлено обвинение в окончательной редакции, ей вменяют часть 2 статьи 238 («Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности») УК РФ. Уголовное дело в ближайшее время передадут в суд» [6]. Таким образом, сотрудники Следственного комитета, завершив расследование уголовного дела 30 января (более чем через месяц после вступления в силу примечания к ст. 238 УК РФ) не посчитали правильным применить его в данном деле. Очевидно, что положение об обратной силе уголовного закона диктовало бы необходимость изменения квалификации, поскольку, как уже отмечалось преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 238 УК РФ относится к категории средней тяжести с максимальным пределом наказания в виде лишения свободы до 6 лет, тогда как, ч. 2 ст. 118 УК РФ – это преступление небольшой тяжести с максимумом наказания до одного года лишения свободы. Если следственный комитет не переквалифицировал деяние Лонской, значит, позиция ведомства по поводу толкования примечания, очевидно, заключается в его распространении лишь на ятрогении в случаях оказания бесплатной медицинской помощи. Безусловно, это лишь квалификация органов предварительного расследования. Следует дождаться решения суда. Но для понимания позиции следственного органа по вопросу о толковании содержания анализируемого примечания кейс, надо полагать, весьма иллюстративен.

В качестве противоположной позиции относительно толкования примечания естественным образом будет выступать полное исключение возможности применения ст. 238 УК РФ для квалификации ятрогенных преступлений, независимо от того, идет ли речь о платных медицинских услугах или бесплатной медицинской помощи. Ее сторонники не склонны буквально толковать термин «медицинская помощь» в тексте примечания и полагают, что отныне данная норма УК не может быть релевантна в целях уголовно-правовой оценки неблагоприятных исходов в медицине. Подобная трактовка примечания следует, например, из публикации в профильном телеграм-канале доктора юридических наук, профессора Г.А. Есакова. Комментируя введение примечания в УК, он, в частности, пишет: «... Поэтому устранение уголовной ответственности врачей по статье 238 – верное решение» [7]. Хотя профессор Есаков при этом активно критикует буквальный текст примечания и все же высказывает опасения по поводу возможности его ограниченного

толкования правоприменителем в аспекте невозможности применения ст. 238 только к ятрогенным в сфере бесплатной медицины: «... есть соблазн ... истолковать это положение как ограниченное ..., например, первичной медико-санитарной и скорой помощью....» [7].

Отметим, что позиция о полном исключении возможности квалификации ятрогений по ст. 238 УК РФ безусловно предпочтительна и основательна в контексте принципа равенства лиц, совершивших преступление, перед законом, постулируемого в ст. 4 УК РФ. Нельзя делать выбор между двумя уголовно-правовыми запретами с разной степенью репрессивности лишь на основании правовой природы отношений в сфере медицины.

Оставляя за пределами исследования в настоящей статье вопрос о том, насколько вообще адекватным способом законодатель попытался разрешить проблему исключения ст. 238 УК РФ для квалификации ятрогенных преступлений («точечный» характер примечания отметили многие специалисты), в завершение констатируем, что есть как минимум два варианта толкования текста анализируемого примечания, а, значит, и два возможных пути, по которым будет складываться следственно-судебная практика по вопросу квалификации ятрогенных преступлений. В связи с изложенным дальнейшее исследование данной проблематики представляется значимым и необходимым.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 28.12.2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/670471-8> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Аналитический центр уголовного права и криминологии // Телеграм-канал. 2024. 24 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/crime_expert (дата обращения: 20.05.2025).
5. Бурнов В. Пластический хирург отправлен под домашний арест по делу о неудачной операции [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20241224/310527356.html?ysclid=mbec18ib9r620648434 (дата обращения: 20.05.2025).
6. Завершено расследование в отношении пластического хирурга по делу ослепшей россиянки [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2025/01/30/zaversheno-rassledovanie-v-otnoshenii-rossiyskogo-plasticheskogo-hirurga/?ysclid=mbeckzk7j7416642701> (дата обращения: 20.05.2025).

7. Записки профессора-уголовника // Телеграм-канал, 2024. 18 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/zapiski_esakov (дата обращения: 20.05.2025).

8. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.07.2019 г. № 44-КГ19-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15072019-p-44-kg19-7/?ysclid=mbeaxls4fe689537405> (дата обращения: 20.05.2025).

9. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 03.02.2021 г. № 77-375/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=36571#11smcmUpYVOaUpQC> (дата обращения: 20.05.2025).

10. Приговор Серпуховского городского суда Московской области от 13.09.2023 г. № 1-394/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/76851950?ysclid=mb9wjxoh5b999802714> (дата обращения: 20.05.2025).

11. Постановление Благовещенского городского суда Амурской области от 04.06.2019 г. по делу № 1-319/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-28RS0004-1-319-2019-2019-01-16-2-0/?ysclid=mbe9yn1013385214846> (дата обращения: 20.05.2025).

Об авторе:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

On the qualification of iatrogenic crimes in light of the note to article 238 of the Criminal code of the Russian Federation

J.A. Dronova

Tver State University, Tver, Russia

The article analyzes the note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced by Federal Law No. 514-FZ of December 28, 2024. The study examines the interpretation of its content using systematic and logical methods, as well as the impact of its inclusion in the Criminal Code on the formation of law enforcement practices in criminal cases concerning adverse medical outcomes. The research aims to provide a comprehensive analysis of the legislature's reasons for introducing this note into the Criminal Code, along with its textual formulation, to clarify its significance in the context of legal application. In conclusion, the study finds that the wording of the analyzed note may be subject to dual interpretation by law enforcement authorities, necessitating further research into trends in judicial practice regarding iatrogenic crimes.

Keywords: *iatrogenic crimes, note to Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, medical care, medical service, criminal qualification.*

About author:

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

Дронова Ю.А. К вопросу о квалификации ятрогенных преступлений с учетом примечания к статье 238 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 192–201.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.